

«ПОЭТ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА» КАК ДУХОВНАЯ ПРОБЛЕМА

Целью данной статьи является исследование одного из самых проблемных аспектов изучения поэзии серебряного века – духовного статуса и духовного пути поэта этой эпохи. Актуальность исследования обусловлена современными дискуссиями о судьбе классических культурных парадигм в литературе XX века. Методологическим посылом работы стали базовые понятия христианской антропологии в их отношении к художественному образу. Основной результат исследования заключается в выводе о том, что в поэзии серебряного века по-новому интерпретируется, но сохраняется парадигма «поэт-пророк» в ее духовно-религиозном понимании.

Ключевые слова: поэт серебряного века, «демонизм», поэт-пророк, сердце как символ христианской антропологии, художественный образ.

Серебряный век – особое, уникальное явление в истории русской литературы. Этот период, столь богатый именами, различными течениями и стилевыми поисками, стал подлинным открытием для читателей и исследователей постперестроечного времени. Однако увлеченные в период возвращений задержанного «пласта» русской литературы, прежде всего, эстетическими изысками поэзии этой эпохи, ученые оставляли без внимания духовную сущность художественных явлений. Вместе с тем «религиозный вектор» (И.А. Есаулов) в изучении русской литературы, предполагающий выявление духовно-религиозных смыслов художественных произведений, достаточно быстро обозначился в современной отечественной науке как полноценное и равноправное направление научного поиска. К настоящему времени о серебряном веке уже написаны учебные пособия, монографии, многочисленные статьи, в которых даются оценки и интерпретации этой культурной эпохи с духовно-религиозной точки зрения, общим итогом которых стали выводы о демонизме, «подменах» и профанации сакральных категорий в творчестве многих значительных поэтов. В результате в наши дни само понятие «поэт серебряного века» предполагает оценочную разнонаправленность: в плане эстетическом – высшую степень художественного качества, в плане духовно-религиозном – сомнительность «репутации».

Между тем теперь, думается, более актуальным становится вопрос не о «нисхождении по лестнице подмен» [1, с. 339] как неизбежном духовном результате демонизма, а о способности поэта серебряного века «быть верным» [7, с. 223], сохранить «зерно глубокой, полной веры» (О. Мандельштам). Иначе придется констатиро-

вать радикальную смену основных парадигм русской культуры в XX веке и отказ от ее религиозного призвания. Именно об этом уже в конце XX века пишет Вик. Ерофеев, убеждая, что русская литература отказалась от своего «гиперморализма», а также отменила «надежду» и «спасение» [10, с. 6]. Однако его стремление «насадить» в литературе «русские цветы зла» вызвало законное возмущение со стороны целого ряда современных писателей и критиков (О. Павлов, П. Басинский, А. Варламов). Вот почему нынешние споры вокруг поэзии серебряного века могут восприниматься в русле постоянно ведущейся в наши дни полемики о миссии и призвании русской литературы, о сохранении в XX веке ее «православной духовности» (И.А. Есаулов).

Однако, по справедливому заключению Н.П. Саблиной, «требуется не просто признание христианского субстрата русской культуры, но и соответствующая исследовательская методология» [19, с. 3]. Споры и непонимание в научной среде нередко возникают именно в связи с разностью методологических установок и подходов. Ведь базовые принципы христианской онтологии, аксиологии, гносеологии и антропологии, столь значимые для отечественной литературной традиции, во многом принципиально отличны от философских их аналогов, ранее служивших методологическим основанием научного изучения художественного произведения. Так духовность в христианстве традиционно понимается как незримая связь человека с Богом, укрепляемая в вере и возможная благодаря тому, что человек имеет бессмертную душу. Духовность предполагает влечение человека к добру, красоте, «способность к самоценному, бескорыстному стремлению к Высшим началам и к абсолютной Истине» [22,

с. 57], представленной в Личности Богочеловека Христа и мистической идее Божественной Троицы. Для христианского сознания всякий человек духовен по самому факту его сотворения по Образу и по Подобию Божьему, поэтому духовность осознается как выражение сущности человеческого в человеке, смысл жизни которого есть «стяжание Духа Святого» (Преподобный Серафим Саровский). Согласно одному из принципов христианской антропологии, предполагающей трихотомическое устройство человека (дух–душа–тело), «дух в человеческой природе более всего соответствует личности» [16, с. 161].

Духовность является «природным» качеством поэзии: «Доставлять чистый воздух горнего мира дано молитве. И молитва поручает поэзии быть ее помощницей. Поэзия есть чудо, это есть искание и нахождение высшей жизни, доступной человеку», – писал архиепископ Иоанн Сан-Францисский [2, с. 524]. Каждый поэт выстраивает свои отношения с Богом и музой, и от этого во многом зависит его творческая и жизненная судьба, а в конечном итоге, его духовный путь. Истоки сложности и драматизма духовного пути самых значительных поэтов серебряного века М.М. Дунаев, вслед за С.Н. Булгаковым, усматривает в «провозглашении эстетики и ее категорий выше этики», в переводе внутренних исканий человека «на язык исключительно эстетический», в вытеснении духовного душевным [9, с. 37]. Мифологизация и «перекодирование святоотеческих концептов в индивидуальные мифы творцов о себе» [14, с. 236] – общая особенность культуры эпохи модернизма. Многие философы и поэты рубежа веков были объявлены *пророками* своими современниками, отсюда, «жизнь, тело и идеи творцов-«пророков» предстают как общезначимый «философский текст» [14, с. 237] (можно добавить и «художественный текст». – О.Б.) эпохи.

В поэзии серебряного века «соотнесенность творчества с бытием души» [15, с. 28] становится центральной темой, эксплицированной как в поэтическом творчестве, так и теоретических трудах, особенно в мире русского символизма. Символизм и его поэты вызывают самые большие «нарекания» в духовном аспекте, при этом наиболее спорным оказывается духовный статус самого значительного поэта серебряного века А. Блока. Начатая еще в 1918 году Н.А. Бердяевым полемика с петербургским священником о духовной сущности личности и поэзии А. Бло-

ка продолжается и в наши дни, и, как и девяносто лет назад, возникает сегодня необходимость выступить «в защиту Блока». Методологическим посылом исследования станет базовый символ христианской антропологии – сердце – и его художественное воплощение в лирике А. Блока.

В христианской антропологии «сердце» и «душа» иерархически структурированы, хотя в народной ментальности, отразившейся в языке, они иногда заменяют друг друга. «Сердце» понимается как эмоциональный центр, которому принадлежит иерархический примат в структуре души. Сердце в исходном библейском значении есть орган познания, ибо «ум в конце концов укоренен и центрирован в сердце, так как личность имеет единый сокровенный центр» [6, с. 55–56]. П.Д. Юркевич писал, что «священные писатели знали о высоком значении головы в духовной жизни человека; тем не менее средоточие этой жизни они видели в сердце» [28, с. 534].

В поэзии серебряного века, где каждый поэт творил миф о себе как особой творческой личности, образ сердца трактуется, прежде всего, как сердце поэта. В этом отношении поэзия серебряного века наследовала заявленную А.С. Пушкиным в «Пророке» парадигму поэта-пророка, в основе которой преобразование сердца как основного органа поэтического познания. Результатом такого преобразования становится совершенно иная цель жизни, обретение поэтом истинного пути как исполнение Божьей воли – «глаголом жечь сердца людей», что в русской культуре было осознано как высшее, духовное предназначение литературы. Для Пушкина пророчество не являлось онтологическим свойством поэта, а было обретением милости Божьей, при этом «расширение религиозной духовности до светского творчества» [14, с. 238] не исказило ее сакрального смысла.

Программное для 2 тома «трилогии вочеловечения» стихотворение А. Блока «Второе крещение» соотносимо с пушкинским «Пророком» по акту обратного преобразования поэта, в нем совершающемуся: «И гордость нового крещения / Мне **сердце** обратило в лед» [4, с. 135]. Сказочная аллюзия, ведущая к «Снежной королеве» Андерсена, лишь подчеркивает духовную сущность второго – демонического, по мнению о. П. Флоренского [25, с. 102] – «крещения». Однако сложность авторской позиции состоит в том, что его лирический герой сам идет навстречу этому «снеговому», а в цикле «Фаина» – «огневому»

крещению», осознанному в духе Ницше, хотя оно и сулит ему «мученье» и «гибель»: «Но посмотри, как *сердце* радо...» [4, с. 136]. Вместе с тем А. Блок вполне осознавал свой демонизм и свои «измены» и переживал их как творческую и жизненную драму, поэтому такое «преображение» грозит обернуться «третьим крещением» – духовной смертью: «Крещеньем третьим будет смерть» [4, с. 136].

Так вместо «угля, пылающего огнем», в груди поэта-теурга сердце, обращенное в лед, а вместо «перепутья» – так точно найденный Блоком в названии одного из своих циклов образ «распутья» (разница существенная: перепутье предполагает выбор пути, а распутья его утрату). «Шестикрылого серафима» заменяет у Блока ожидание Софии, которая, хотя и сохранила сакральные характеристики, но на самом деле стала «эстетическим заполнением пропасти» [8, с. 57], образовавшей в сознании эпохи, поверившей в то, что «Бог умер». Но это не превращает Блока в «диаволического художника-демиурга», то есть «диаволически извращенного мессию», эстетизирующего зло, имморализм, эротику», как характеризует поэта «старшего символизма» Ханзен-Леве [26, с. 78].

Н.А. Бердяев справедливо утверждал, что «видение же поэтом мира бесовского служит обнаружению света» [3, с. 104]. Но такое – апофатическое познание – происходит всегда «ценою утраты части души», по признанию самого А. Блока. «Смерть души моей печальной» в цикле «Страшный мир» привела к появлению образа мертвого сердца: «*Сердце* – крашенный мертвец» [4, с. 216], а также мотива потери сердца: «Где *сердце*? – «Закинуто в омут» [4, с. 217]. Спасительным началом остается в лирическом сознании Блока томление «духовной жаждой», всегда необычайно сильное в нем, желание служить «добру и свету», «безличное вочеловечить», то есть вернуть человеку его личностный, духовный статус.

Тот пушкинский «тайный жар», который отмечала в Блоке М. Цветаева [27, с. 93], «оживляет» «обращенное в лед» сердце его героя-поэта, несмотря на все «разрывы, надломы и концы» [21, с. 319], неизбежные для трагического мироощущения. В цикле «На поле Куликовом» символизация русского и татарского начал осуществляется в русле мифа о сосуществовании в душе (сердце) русского человека европейских и азиатских начал, причем А. Блок становится одним из твор-

цов этого мифа. Однако мифопоэтический способ художественного мышления не препятствует собственно христианской символике образов. По наблюдению С.П. Ильева, в заглавии цикла, содержащем поэтическую инверсию, «На поле Куликовом» – с ударением на слово «поле» – имплицитно содержится указание на известное изречение Ф.М. Достоевского из романа «Братья Карамазовы»: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – *сердца* людей» [13, с. 30].

Так «*поле*» образует смысловую параллель с «*сердцем*», в котором и происходит «битва» как отражение «вечного боя». Блок предполагает два возможных исхода этой «битвы», что повлекло за собой два образа сердца: «*сердце плачущее*», не могущего «жить покоем», из которого «кровь струится», и «*растерзанное сердце*». В «*плачущем*» сердце «вечный бой» длится, в «*растерзанном сердце*» исход боя предreshen: «И падают светлые мысли, / Сожженные темным огнем!». Но в финале цикла вновь появляется образ сердца, не могущего жить покоем», и отчаявшийся человек обращается к Той, чей «клик нерукотворный светел навсегда», не случайно цикл завершается призывом к молитве: «Теперь твой час настал: – Молись!» Однако здесь, как и во многих стихах А. Блока, именно в силу их символистской многоплановости таится загадка: «Молись о том, чтобы быть верным, быть «светлым навсегда» [23, с. 134] – так считает Г. Федотов. Но это может быть и молитва перед гибелью, тем самым «третьим крещеньем» и для души поэта и Руси (ведь «*наш* путь»), чья «*грудь*» (*сердце*. – О.Б.) «пронзено» «стрелой татарской древней воли». Так происходит рождение чувства «эпической общности с национально-историческим целым» [18, с. 68] в его трагических противоречиях.

«Это ли не предчувствие разгула мятежной стихии в будущем, в октябре 1917 года?» [23, с. 135] – вопрошает Г.П. Федотов, обращая внимание на поэму «Двенадцать» как неизбежное продолжение темы борьбы за «сердца людей». До сих пор финал поэмы «Двенадцать» потому и вызывает острые дискуссии в среде ученых и философов, что от его интерпретации зависит оценка итога духовного пути Блока [24]. «Пределом и завершением блоковского демонизма» называет поэму о. П. Флоренский. Этой точки зрения, с тем или иными оговорками, не затрагивающими существа самого утверждения, придерживается целый ряд известных современных ученых (М. Дунаев,

В. Вейдле, И. Есаулов). Однако другие (Ф. Степун, Д. Магомедова, В. Мусатов) появление Христа в конце поэмы связывают с прорывом Блока к «добру и свету», в конечном счете – к исканиям Бога, несмотря на все, хорошо известные по дневниковым записям сомнения и отречения поэта.

«Капля политики», конечно, «замутила и разложила» многое в этой поэме, о чем с тревогой писал ее автор в записке «О «Двенадцати» (1 апреля 1920), но «не убила смысла поэмы» [5, с. 62]. Финал поэмы подчеркивает значимость выбора, который сделал А. Блок, осознав неразрывность своего пути и пути «Руси-Жены». «Породнила его с революцией... стихия народного бунта «с Богом или против Бога», в котором Блок ощутил нечто глубоко родственное своему собственному духовному максимализму, религиозному бунту, «попиранию заветных святынь» [12, с. 98] – справедливо писал В. Жирмунский еще в 1921 году. И все-таки автор-поэт и герои-бунтари поэмы «Двенадцать» разграничены именно по тому духовному итогу, который получает «вечный бой» в сердце человека.

В сердцах тех двенадцати, идущих вдаль «без имени святого», битва проиграна, «светлые мысли» и жалость «сожжены» «темным огнем». Но пророческий дар автора-поэта, его «безумное чаяние святынь» (И. Анненский) «потребовали» Христа: «А все-таки Христа я никому не отдам» [20, с. 155], потому «светел навсегда» образ Христа в конце поэмы. Так произошло осуществление того «подвига души», о котором мечтал Блок в начале своего творческого пути: «Чую в будущем подвиг души». В поэме «Двенадцать» поэт пророчески прозревает в «холоде и мраке грядущих лет» Иисуса Христа как единственный источник истинного Добра, Красоты и Истины и как тот единственный выбор, который, преодолев свои «разрывы, надломы и концы», в конечном итоге своего исторического и духовного пути призвана сделать и Россия. А. Блок, в самой полной мере поэт серебряного века, самый трагический поэт эпохи, своим творчеством еще раз доказал, что, какие бы новые, модернистские формы ни принимала русская поэзия и какие бы духовные искажения ни получала, она непременно вернется к своему высшему, религиозному призванию.

Библиографический список

1. Андреев Д. Миссии и судьбы // Андреев Д. Русские боги. – М.: «Современник», 1989. – С. 336–349.
2. Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Избранное. – Петрозаводск: «Святой остров», 1992. – 575 с.
3. Бердяев Н.А. В защиту Блока // Лит. учеба. – 1990. – №6. – С. 104–105.
4. Блок А. Стихотворения и поэмы. – М.: Художественная литература, 1978. – 384 с.
5. Вейдле В. После «Двенадцати»: Приношение кресту на могиле Александра Блока // Библиотека Вестника Р.С.Х.Д – Paris: YMKA-PRESS, 1973. – 67 с.
6. Вышеславцев Б.П. Сердце в христианской и индийской мистике // Б.Н. Тарасов. Человек и история в русской религиозной философии и классической литературе. – М.: «Кругъ», 2008. – С. 528–565.
7. Гиппиус З. Мой лунный друг // Гиппиус З. Стихотворения. Живые лица. – М.: Художественная литература, 1991. – С. 214–251.
8. Горичева Т. О кенозисе русской культуры // Христианство и русская литература: Сб. статей. – СПб.: Наука, 1994. – С. 50–88.
9. Дунаев М.М. Православие и русская литература: В 6 т. – М.: Христианская литература, 2004. – Т. 6. – 738 с.
10. Ерофеев Вик. Русские цветы зла // Русские цветы зла: Антология. – М., 1998. – С. 3–28.
11. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. – М.: Кругъ, 2004. – 559 с.
12. Жирмунский В. Поэзия Александра Блока // Об Александре Блоке. Статьи. – Петербург, 1921. – 221 с.
13. Ильев С.П. Числовая символика в поэме А. Блока «Двенадцать» Александра Блока // Slavika Wratislaviensia 1X. – Wroslaw, 1976. – №330. – С. 29–35.
14. Климова Св. Феноменология святости и страстности в русской философской культуре. – СПб.: АЛТЕЙЯ, 2004. – 329 с.
15. Кошемчук Т.А. Поэт-пророк и собеседник мюз (О проблеме творчества в русской поэзии и православном миропонимании) // Христианство и русская литература. Сб. 5. – СПб.: Наука, 2006. – С. 3–128.
16. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. – М.: Центр «СЭИ», 1991. – 288 с.
17. Магомедова Д.М. Блок и Волошин (Две интерпретации мифа о бесовстве) // Блоковский сб. X.I. Вып. 917. – Тарту, 1990. – С. 31–40.
18. Мусатов В. Пушкин в эстетическом самопознании русского символизма // Художествен-

ная традиция в историко-литературном процессе: Межвузовский сборник научных трудов. – Л.: Наука, 1988. – 276 с.

19. *Саблина Н.П.* «Не слышатели забытливый слова, но творцы». Органическое православие русской поэзии // *Христианство и русская литература*. Сб. 3. – СПб.: Наука, 1999. – С. 3–25.

20. *Степун Федор.* Историческое и политическое мирозерцание Александра Блока // *Степун Федор. Встречи*. – М.: «Аграф», 1988. – С. 142–156.

21. *Сувчинский П.* Типы творчества (Памяти Блока) // *Русский узел евразийства. Восток в русской мысли: Сб. трудов евразийцев*. – М.: «Беловодье», 1997. – С. 309–329.

22. *Троицкий В.Ю.* Духовность слова. – М.: ИТРК, 2001. – 184 с.

23. *Федотов Г.П.* На поле Куликовом // *Лит. учеба*. – 1989. – №4. – С. 133–142.

24. Финал «Двенадцати» – взгляд из 2000 // *Знамя*. – 2000. – №11. – С. 190–206.

25. *Флоренский П.* О Блоке // *Лит. учеба*. – 1990. – №6. – С. 93–104.

26. *Ханзен-Леве А.* Русский символизм: система поэтических мотивов: ранний символизм. – СПб., 1999.

27. *Цветаева М.И.* Поэты с историей и поэты без истории // *Цветаева М. Соч.: В 2 т.* – М.: Художественная литература, 1995. – Т. 2. – С. 430–443.

28. *Юркевич Д.П.* Сердце и его значение в жизни человека по учению Слова Божия // *Б.Н. Тарасов. Человек и история в русской религиозной философии и классической литературе*. – М.: «Круг», 2008. – С. 528–565.

УДК 882 (Андреев Л.)

Н.А. Бондарева

ГЛАВНАЯ ТЕМА ТВОРЧЕСТВА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

Статья посвящена проблеме взаимодействия человека с миром и с самим собой, что позволяет назвать главную тему произведений Леонида Андреева.

Ключевые слова: человек, душа, одиночество, город, страх, апокалипсис.

Леонид Андреев – один из самых обсуждаемых писателей русской литературы начала XX века. Его творчество – реакция на беспокойное, «смутное» время, «страшные годы» России. Произведения Л. Андреева вобрали в себя дух эпохи. Не случайно главным героем произведений Л. Андреева становится ужаснувшийся абсурдности жизни и отчаявшийся человек.

Осуществляя поиск сущностных основ бытия, стремясь охватить жизнь во всех её проявлениях, Леонид Андреев выдвигает на передний план человека. Центр и цель всего – человек, причём как субъект, а не как часть системы мира. В произведениях Андреева перед нами просто человек, сильный и трусливый, добрый и низкий – такой, каким создан он творцом вселенной.

На первый взгляд, несколько парадоксальным выглядит обращение Андреева к, казалось бы, традиционно реалистической теме – теме «маленького человека». На самом деле цель такого обращения вполне объяснима: освободить человека от сковывающих его условностей, попытаться

за его словами, поступками, жестами разглядеть подлинную душу человека.

В период любых социальных потрясений опасность грозит не какой-либо отдельной культуре или мироощущению, а прежде всего отдельному «Я». Леонид Андреев, в частности, пишет: «Человека, отдельного человека, я стал и больше ценить и больше любить... , но зато к остальным, к большинству, к громаде испытываю чувство величайшей ненависти...» [3, с. 164].

«Как в жёсткую скорлупу заключён каждый человек в свою оболочку из тела, платья и жизни. Кто он? – об этом мы только догадываемся...» [2, с. 197]. Увидеть человека в человеке – вот цель многих рассказов Леонида Андреева. Это и подлинное лицо героини Любы, которое открывается революционеру из «Тьмы»; и богатый внутренний мир другой проститутки, Маши, внезапно раскрывшийся перед Керженцевым («Мысль»); и истинная, человеческая сущность преступника в рассказах «Вор», «Предстояла кража»; это, как оказалось, и достойная понимания мать Вали, когда-то бросившая своего ребёнка